

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

КОМСОМОЛЬСК В СУДЬБАХ ТРЕХ ПОЭТОВ

KOMSOMOLSK-ON-AMUR IN THE LIFE OF THREE POETS

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Cross-Culture Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin avenue; tel.: + (74217) 52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Аннотация. В статье рассмотрено взаимодействие Н. Глазкова, Н. Заболоцкого и Гийома дю Вентре с Комсомольском-на-Амуре.

Summary. The paper discusses the links poets N. Glazkov, N. Zabolotsky and Guillaume du Vintrais had with the city of Komsomolsk-on-Amur.

Ключевые слова: Н. Глазков, Н. Заболоцкий, Гийом дю Вентре, Комсомольск-на-Амуре.

Key words: N.Glazkov, N.Zabolotsky, Guillaume du Vintrais, Komsomolsk-on-Amur.

УДК 804.0:801.1

Символический статус Комсомольска-на-Амуре создавался мощным механизмом коммунистической пропаганды. Она действовала крайне примитивно, очень эффективно, но весьма краткосрочно. Этот статус предполагал восприятие города в качестве концентрации или видимого воплощения необратимой победы молодости над всем, что только возможно, торжества молодости в любых условиях, воцарения молодости всюду: в гнилом болоте, среди непроходимой тайги, под оружейными прицелами. Создавала этот образ хорошо обученная и отлично дисциплинированная команда литераторов, кинематографистов и журналистов с различной степенью таланта, но одинаковой мерой верности режиму.

Сейчас все изначально бессмысленные идеологические клише, которые легли в основу этого статуса, благополучно омертвели и исчезли. Это не потребовало никаких дополнительных усилий со стороны пропаганды какого-то иного типа, потому что все они, как и их основа, были изначально лживы и семантически пусты. Бескорыстному вдохновенному труду в реальности соответствовал подневольный труд заключенных. Мудрой роли партии – сапог конвоира. Коллективизму – стадность, свободному радостному созиданию – унылая поденщина, а справедливому распределению благ – нищенский паёк.

Казалось бы, в нынешней ситуации, когда старого образа нет, а новый создавать некому и незачем, в семиотическом смысле городу суждено занять место в ряду безымянных населенных пунктов, каких на любой карте большинство. То есть перейти из статуса «Города юности» в «просто город». Но семиотические системы живут и трансформируются по своим законам. Их саморазвитие преподносит подчас удивительные уроки. При отсутствии искусственного затемнения пробиваются ростки настоящих цветов.

Помимо того образа города, который занял место в ряду страшных исторических курьезов, существует, вернее, намечается другой образ. Его возникновение может быть связано

с тем, что кроме множества рекрутированных литераторов, исправно работавших на идеологическую машину, Комсомольск оказался связан с судьбами трех настоящих поэтов.

Соответственно, обратившись к судьбам этих трех очень разных поэтов, чьи жизни несхожим образом пересеклись с Комсомольском в то время, когда он еще был идеологической отметкой на карте империи, можно попытаться прочесть новый образ. Эти поэты: Гийом дю Вентре, Николай Заболоцкий и Николай Глазков. Коротко о сути взаимодействия каждого из них с городом.

Гийом дю Вентре (1553-1602) – блистательный французский поэт, воплотивший в изысканной форме сонета вечные темы свободы, любви и верности своему призванию. В его творчестве, при явном доминировании общечеловеческих проблем, связанных с постановкой и решением вечных нравственных вопросов, нашли прямое отражение различные аспекты авантюрной судьбы дворянина XVI в. Единственная книга его стихотворений называется «Злые сонеты». Впервые часть его произведений была опубликована на языке оригинала с переводом в 1946 г. в городе Комсомольске-на-Амуре.

Факт публикации книги позволяет говорить о том, что как поэт для читателя Гийом дю Вентре родился в Комсомольске-на-Амуре, хотя первые тексты были написаны ранее. Они возникли в 1943 г. в городе Свободном Амурской области на заводе-лагере (в системе БАМЛага), который назывался сначала Центральные авторемонтные мастерские, а затем Центральный авторемонтный завод (ныне не существует). К исследованию поэтики, творчества и судьбы Гийома дю Вентре обращались многие: Н. Адуева, Ф. Вигдорова, М. Лозинский, В. Луговской, М. Морозова, Е. Паршин и др. [1; 2].

Особая заслуга в пропаганде наследия поэта, выяснении обстоятельств его нелегкого жизненного пути и определении доминант его художественного мира принадлежит известному правозащитнику и публикатору самиздатовских текстов А. К. Симонову, написавшему «Третью биографию Гийома дю Вентре» [1]. Именно этот человек сделал достоянием широких читательских кругов реальную, а не мистифицированную биографию поэта.

В той реальности, в которой публикуется эта статья, физического лица по имени Гийом дю Вентре не существовало. Его и его тексты создали Яков Евгеньевич Харон (1914-1972) – звукооператор по своей основной профессии и Юрий Николаевич Вейнерт (1914-1951) – человек без определенной профессии. Этим людей объединило то, что они оба долгие годы провели в заключении: Я. Е. Харон был арестован в конце 30-х гг., находился в заключении до 1947 г., а потом в ссылке с 1948 по 1954 г.; Ю. Н. Вейнерт провел в заключении с небольшими перерывами практически всю свою жизнь: 1932-1935, 1937-1947, 1948-1951. Познакомились эти два человека в одном из лагерей города Свободный. Там начали совместную творческую деятельность, которая, по сути своей, продолжалась до смерти Я. Е. Харона, так как работа над текстами и комментариями к ним не заканчивалась до его последних дней.

В воспоминаниях Я. Е. Харона Комсомольск-на-Амуре упоминается несколько раз: «Иначе, надо полагать, здесь была бы такая же дремучая тайга, какую мы знали по Уссури и по Комсомольску.» [1, 126]; «Было это под Комсомольском, с Аркадием, вскоре же после прибытия в те славные края. Выдали нам лучковые пилы и топоры, привели на делянку, велели разбиться на пары и валить строевой лес.» [1, 164]; «Комсомольск-на-Амуре и по другим статьям оставил по себе весьма глубокие следы в моей памяти. Их яркость вызвана, очевидно, и свежестью – первичностью – впечатлений, и непродолжительностью пребывания там, и перенесенной цингой (из-за нее меня оттуда и выпроводили), и даже известной экзотичностью многих явлений. Уже самое начало было любопытным. С вокзала нас отправили прямо в тайгу пешком и налегке, и вместе с нами шли сани с палатками, плотницким инструментом и провиантом. Охраны было совсем мало – человека три, четыре, не более. Достигнув какого-то пункта, для непосвященных ничем не приметного, старшой скомандовал привал и собрал нас на самую крохотную и толковую конференцию, какую мне довелось по-

видать. Смысл выступления старшего был таков: хотите жить? Устраивайтесь. Вот лес, а вот – топоры и пилы. Стройте себе дома. Хлеба хотите? Стройте пекарню. Мыться хотите? Стройте баню. В общем, стройте что хотите – и клуб, и кино, и санаторий. Зоны не будет: проволоки не завезли. Охраны не будет: людей мало. Да, кстати, – кто хочет, может бежать. На все четыре стороны. Чтобы всем ясно было, в какой стороне что находится, старшой дал исчерпывающие пояснения. Вон туда – он показал на северо-запад – лежит путь на Москву и Ленинград. Но только надо пересечь поначалу Буреинский хребет – не советую: бездорожье, волки, медведи, даже тигры, а жрать нечего. Вон туда – жест на юго-запад – бежать лучше: на Биробиджан или Хабаровск выйти можно. Но только, сами понимаете, это ж сплошные лагеря, кругом вохра и собаки, вмиг сцапают. Вон туда – на юго-восток – путь на Совгавань, в Японское море, кто плавать умеет. Только аккуратней в ближайших окрестностях: это ж надо через Комсомольск, мимо вокзала и пристани, через Амур... В общем, едва ли проскочите. Ну-с, остается вот это направление – северо-восточное, Николаевск-на-Амуре. Туда бегите – мы туда-то и трассу прокладываем. Кто первый прибежит, досрочно освободится. Так что очень советую приналечь на это направление: прорубать тайгу, класть лежневку «и так далее.» [1, 165].

Результатом совместной деятельности Я. Е. Харона и Ю. Н. Вейнерта, обогатившим русскую литературу, стали 100 сонетов, объединенных под названием «Злые песни Гийома дю Вентре». Название книги, как и всё её содержание, амбивалентно. Тексты представляют собой художественно точное, поэтически безупречное соединение острой сатиры и легкой иронии, предполагающее множество прочтений, сквозь которые отчетливо видны и жизнь Гийома дю Вентре, и судьбы Я. Е. Харона и Ю. Н. Вейнерта, и исторические события обеих эпох, и личностные переживания множества людей. Всё это делает книгу удивительным образцом панхронической поэзии и поднимает тексты на уровень лучших мировых творений.

В качестве примера приведем сонет «Мое утешение»: «Я часто против совести грешил / И многих был ничтожней и слабее. / Но никогда не изменял себе я / И никому не продавал души. // Пускай враги льют желчь и поздний яд, / Тупым копытом мой лягают труп; / Пусть сплетничают нежные друзья, / Что я был подл, труслив, завистлив, скуп... // Кидайтесь! Плюйте бешеной слюной / На гордый лавр, на мой надгробный креп – / С листа Истории ваш хриплый вой / Стереть бессилен имя дю Вентре! // Пусть что угодно обо мне твердят, / Мне время – суд, стихи – мой адвокат».

Николай Алексеевич Заболоцкий (1903-1958) – классик русской литературы, поэт, соединивший в своем творчестве различного рода философские искания с успешными попытками осмыслить единство мира через воплощение равновеликой ценности всех его материальных и духовных форм. Был арестован в 1938 г.; с февраля 1939 по май 1943 г. отбывал срок в районе Комсомольска-на-Амуре (поселок Старт) и в самом городе [3; 4].

Обстоятельства лагерного существования нашли отражение в ныне опубликованных письмах к жене и незаконченной книге «История моего заключения». Эти тексты фиксируют множество реалий повседневной жизни поэта и характера его духовного существования. Вот несколько примеров. Из письма от 28 сентября 1940 г. (район Комсомольска-на-Амуре): «Живу по-старому на старом месте. Работаю архитектурным чертежником, те свободные минуты, которые остаются от 11 часов работы, – отдаю технической литературе и понемногу повышаю свой технический минимум. Стоят последние дни осени, ожидаем снега с часу на час. <...> Ввиду того, что абсолютно всё время занято, – некогда скучать и тосковать. Кончишь работу, засыпаешь как убитый и если и просыпаешься – то только от холода. Так идут день за днем – одинаковые, без переживаний, без мысли» [3, 108]. Из письма от 4 января

1941 г. (Комсомольск-на-Амуре): «Когда я возвращаюсь ночью с работы – мне хочется думать, думать, думать. Но думать некогда. Усталость берёт своё. Повоевав с клопами, я засыпаю мертвым сном. // Теперь иногда я читаю Пушкина. И по временам он представляется гениальным молодым человеком» [3, 111]. Из письма от 6 апреля 1941 г. (Комсомольск-на-Амуре): «И нужно сказать тебе, что горько становится: не имею возможности писать сам. И приходит в голову вопрос – неужели только один я теряю от этого? Я чувствую, что мог бы сделать еще немало и мог бы писать лучше, чем раньше» [3, 113]. Из письма от 19 апреля 1941 г. (Комсомольск-на-Амуре): «Если бы я мог как следует отдохнуть, отоспаться и передумать много, много мыслей, которые уже давно ждут своей очереди и которыми заниматься некогда! Моя голова еще хочет думать, она еще не утратила этой способности, и одно это обстоятельство уже радует меня» [3, 114].

Эти письма говорят о многом. И о том, как государственная машина может искусственно замедлить работу сознания художника, приостановить творческий процесс. И о том, что выключить его полностью нельзя даже давлением со стороны самых жутких условий существования.

За время пребывания в Комсомольске Н. А. Заболоцкий не создал ни одного художественного текста.

В поэтических текстах Комсомольск-на-Амуре упоминается только единожды, в стихотворении «В тайге», написанном в 1947 г.: «<...> Обнимая огромный канадский топор, / Ты стоишь, неподвижен и хмур. / Пред тобой голубую пустыню простер / Замурованный льдами Амур. // И далеко внизу полыхает пожар, / Рассыпая огонь по реке, / Это печи свои отворил сталевар / В Комсомольске, твоём городке. // Это он подмигнул в ледяную тайгу, / Это он побратался с тобой, / Чтобы ты не заснул на своем берегу, / Не замерз, околдован тайгой. // Так растёт человеческой дружбы зерно, / Так в январской морозной пыли / Два могучие сердца, сливаясь в одно, / Пламенеют над краем земли».

Этот текст выдержан в традиционной для поэта манере осмысления взаимодействия между человеком и окружающей его природой. Примечательно, что образы преобразователей природы – лесоруба и сталевара, как и место их расположения, оцениваются явно позитивно. При этом заря уподоблена доменной печи. Для сторонника натурфилософских представлений с осязательной, пусть и не всегда проявленной, тенденцией к буддийскому восприятию мира такой подход не может считаться традиционным или даже просто приемлемым. И он тем более показателен, вне зависимости от того, что здесь проявляется: последствия стокгольмского синдрома или смена парадигмы взглядов.

Николай Иванович Глазков (1919-1979) – знаменитый русский поэт, автор слова *самиздат*. Репрезентировал себя в качестве прямого последователя Велимира Хлебникова. Соединил в своем творчестве смелые поэтические эксперименты с глубиной проникновения в вопросы быта и бытия. Во время творческих командировок в 60-х и 70-х гг. посещал Комсомольск-на-Амуре.

По формальным признакам творчество Н. И. Глазкова относится к иронической поэзии. Но ирония является для автора только внешним приемом (или инструментом) при решении сложных нравственных и эстетических проблем. Сознательно принятая им маска клоуна (или юродивого) позволяет ему избегать официозного пафоса и в тех случаях, когда того требовала официальная идеология, и в тех, когда это диктовалось предельной серьезностью затрагиваемых им проблем. В итоге созданные им тексты отличает видимая легкость при очевидной глубине содержания.

Пример стихотворения, посвященного Комсомольску-на-Амуре – «История города Комсомольска», написанного в 1963 г.: «Комсомольцы беспокоят / Неразведанность глуши: / На Амуре строят город – / Ставят шалашаи. / Если дело по душе, / Можно жить и в шалаше! // Вековой простор расколот / И разбужен, говорят, / Комсомольцы строят город – / Поднялся землянок ряд. / Чем землянка хороша? / Тем, что лучше шалаша! // Комсомольцам дела много: / Заготовливают лес. / Стиль барака не барокко, / Но и здесь у них прогресс. / Жить вольготней работаге / Не в землянке, а в бараке! // В Комсомольске-на-Амуре / Комсомольцы-молодцы / Соответственно культуре / Воздвигают и дворцы. / Город тот, который молод, / Выглядит, как зрелый город!».

Обратим внимание на то, что последняя строка стихотворения отчетливо полемична официальной идеологической пропаганде. «Город юности» еще в то время, когда никаких внешних причин (например, постарения населения или смены идеологии), казалось бы, не было, назван *зрелым городом*, а в русском языке слово *зрелый* часто используется в качестве эвфемистической замены слова *старый*.

Так в легкой и безобидной при поверхностном восприятии форме, доступной только мастеру высочайшего класса, Н. И. Глазков проявляет свое отношение к официальной идеологии и её стандартам, по сути, предрекает недолговечность навязанного пропагандой символического образа. Более того, протраивает ту ситуацию, которая наблюдается сейчас, когда номинация «Город юности» – не более чем исторический курьёз или дурная шутка. понадобилось менее пятидесяти лет, чтобы слова Н. И. Глазкова перешли в реальность и ложный образ исчез.

Всех трех авторов объединяет то, что они в своем творчестве реализуют традиции отчетливо выраженного литературного эксперимента. Все они прямо и непосредственно контактировали с Комсомольском-на-Амуре в разные периоды его далеко не всегда мажорной истории. И для всех эти контакты, в конечном счете, завершились позитивно.

В этом смысле можно говорить о том, что возникает новый символический образ города. Его можно охарактеризовать как «место преодоления препятствий или тяжелых испытаний с позитивным итогом». Комсомольск-на-Амуре как «Город преодоления».

ЛИТЕРАТУРА

1. Харон Я. Е. Злые песни Гийома дю Вентре: Прозаический комментарий к поэтической биографии. – М.: Книга, 1989. – 240 с. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=325>.
2. Евгений Паршин Французский поэт, родившийся в лагере ГУЛага // Свободненский курьер. – 2008. – № 50. – 10 декабря. URL: <http://www.proza.ru/2009/07/25/382>.
3. Письма Н. А. Заболоцкого 1938-1944 годов // Знамя. – 1989. – № 1. – С. 96-127.
4. Кузьмина, М. А. Комсомольск-на-Амуре: легенды, мифы и реальность / М. А. Кузьмина. – Комсомольск-на-Амуре: Жук, 2002. – 388 с. – (Дальний Восток: великие стройки сталинских пятилеток).